

ВЫПУСК
223-й

Эту певичку
любит вся страна,
имя ее известно
во всем мире.
Сотни женских судеб,
о которых
она поведала
в песнях,
слились в единый
образ
русской женщины —
щедрой души,
самоотверженного
сердца.
Сегодня лауреат
Ленинской премии,
народная
артистка СССР
Людмила Георгиевна
Зыкина —
гостя нашей
13-й страницы.

— Почитатели вашего таланта утверждают, что только человек, рожденный на сельском приволье, может так понять и донести до слушателя глубину русской души. И многие убеждены, что вы родом из рязанского села, это так?

— В одном из писем я прочла о себе такие строки: «Как в Рязани, на окраине, родилась девчонка...». Насчет окраины — верно, только я москвичка. Но семейные корни наши в самом деле рязанские. Бабушка моя Василиса Дмитриевна, мать моего отца, первая моя учительница пения, родом из-под Скопина — это недалеко от есенинских мест. Василиса Дмитриевна была известная на всю округу песельница. Пела, как сама любила говорить, «нутром»; песня буквально клокотала в ней, хотя она никогда не форсировала голос. Душой я слышу ее до сих пор... После кончины деда, в 1920-е годы, бабушка с детьми переехала в Москву. В Москве родилась я.

— Родители ваши, наверное, тоже пели?

— И хорошо пели! Теперь, спустя много лет, могу классифицировать: у бабушки был альт, у отца — бас, у мамы — голос совершенно своеобразного тембра, высокий с колоратурным взлетом.

— Помните ли вы первую песню, которую спели solo не для себя, а для зрителей?

— Еще бы не помнить. Хотя было мне тогда всего лет шесть. Но я знала уже почти все бабушкины песни и потихоньку пробовала ей подражать. Однажды пришли гости; я все дожидаясь, когда взрослые закончат разговоры и начнут петь. И вдруг бабушка говорит: «А ну-ка, Милуш, запевай, как я тебя учила!». Поначалу я даже не поняла, что это мне. Потом выпрямилась, напряглась и запела бабушкину любимую: «Соловей кукушечку уговаривал». Голос у меня был слабенький, хрупкий. Допела и едва не убежала от страха. Но кругом захопала, а бабушка сказала: «Ну вот и смейся...»

— Желание петь со сцены появилось после того первого успеха?

— Нет, что вы! Не сцена, не концертная эстрада манили меня тогда. Как и тысячи сверстниц, я в те предвоенные годы бредила именами Чкалова, Байдукова,

Белякова, Расковой, Гризодубовой, Осипенко. Мечтала поступить в аэроклуб, стать летчицей, прыгала с вышки и с аэростата, играла в волейбол, в хоккей, даже в футбол.

Через годы мне выпало счастье подружиться с наследниками и продолжателями чкаловской славы: Валентиной Терешковой, Павлом Поповичем, Виталием Севастьяновым. Знала я и Юрия Гагарина, и Владислава Волкова. Они для меня воплощение той несбывшейся мечты детства — сесть за штурвал самолета и взлететь над землей.

рывается с каждым проведенным на сцене годом: ответственность за свое дело. Это, вероятно, закономерно: чем старше актриса, чем больше почестей ей воздается, тем больше обязана она требовать от себя для творчества. До мелочей продумываешь не только то, какие песни включить в программу, как исполнить каждую, но и какое платье надеть на концерт, как причесаться. Выверенный наряд — одно из начал создаваемого на сцене образа.

— А есть у вас любимая песня?

— Оратории и поэтории Щедрина — разновидность произведений, написанных на основе народных мотивов. Значит, народная музыка за последние годы существенно изменилась, стала сложнее?

— Глинка говорил, что музыку пишет народ, а композиторы ее только обрабатывают. Это же происходит в наши дни. Естественно, композиторы ищут новые, порой чрезвычайно сложные формы. Правда, в последние годы меня стало тревожить одно явление: многочисленные вокально-инструментальные ансамбли включают в свой репертуар народные песни, ими же самими аранжированные; и, к сожалению, иные аранжировщики и исполнители нередко то ли забывают, то ли вообще не задумываются о традициях народного искусства и о том, когда и ради чего данная песня была создана народом. Записывала я как-то на радио обрядную свадебную «Отставала лебедушка» — чудесный плач невесты, об-

аудиторин на концерте исполняю один из вариантов.

— У вас теперь немалый опыт работы на сцене. Нет ли желания делиться этим богатством с молодыми?

— Мне много раз предлагали преподавать, но совмещать полноценную педагогическую работу с певческой, я думаю, невозможно. Однако выход нашелся. В нашем ансамбле стажировались шесть молодых певцов, которые недавно закончили, либо скоро заканчивают музыкальные училища. Очень способные девушки, с прекрасными вокальными данными, но нужна школа. Вот с ними я и занимаюсь.

— Вы имеете в виду республиканский русский народный ансамбль «Россия»? Нельзя ли о нем чуть подробнее?

— Всего три года назад состоялся первый концерт нашей «России». К этому мы готовились долго, музыкантов собирали по всей стране. Не хотелось оголять местные коллективы, и в то же время очень нужны были люди, которые бы соответствовали нашему замыслу.

— Создавая этот ансамбль, вы хотели через него выразить свое понимание народного искусства?

— Безусловно. Он должен отличаться от всех подобных коллективов прежде всего академизмом и программ, и исполнением. Для этого требовались специалисты высокого класса, непременно с высшим музыкальным образованием. Таких людей мы нашли. Все они успешно выступают, и почти все занимаются композицией. Лучшие их произведения включаем в свои программы. В этом немалая заслуга музыкального руководителя ансамбля Виктора Гридина. Он и сам талантливый композитор, и много работает с молодыми музыкантами. Думаю, ансамбль получился почти таким, каким мы его себе представляли. Может быть, нескромно так говорить, но достать билет на наш концерт непросто, хотя и выступаем мы почти каждый день. За три года выпустили пять долгоиграющих пластинок.

— А девушки, которые у вас стажировались, останутся в ансамбле?

— Трудно сказать определенно. Пока в ансамбле одна солистка. Возможно, со временем их будет несколько.

— Быть художественным руководителем и солисткой большого ансамбля, постоянно выступать в концертах, на радио, телевидении... Напряженная жизнь... Бывают моменты, когда петь не хочется?

— Бывают.

— И тогда...

— ...Сажая всю свою семью в машину, сама — за руль, и едем за город (кстати, машину вожу с величайшим наслаждением). Идя по березовой роще, напеваешь тихо-тихо, а голос получается звонкий. А в сухом лесу у песни непременно появляется эхо. Чуть прошел дождь — голос звучит глуше, но все не так, как в сосняке или ельнике... Природа успокаивает, все встает на свои места, мысли о работе, о предстоящих концертах перестают нервировать. В такие минуты осознаешь, что выбор сделан правильно, что народная песня — моя судьба.

Гостью расспрашивала
Ольга ЛОБАНОВА.

ЛЮДМИЛА
ЗЫКИНА

— Как же все-таки вы стали певичкой?

— Как-то мы с подругами поехали в центр Москвы, в кино. На площади Маяковского увидели объявление: «Конкурс в хор русской народной песни имени Пятницкого». Девчонки стали меня подзадоривать: «Попробуй! Слабо?» Я с ними даже на мороженое поспорила, что поступлю. Тогда я уже активно пела в самодеятельности. Вошла в зал для прослушивания, рассказала о себе. Подошел Захаров — тот самый, чьи песни пела вся страна, а за ним Петр Михайлович Казмин — один из тогдашних руководителей хора, племянник самого Пятницкого: «В какой тональности будешь?» Что такое тональность, я толком не знала, страшно смутилась, но — запела: «Уж ты сад, ты мой сад, сад зелененький...». Через два часа посмотрела и глазам своим не поверила: в списке принятых моя фамилия — первая! Так и решила судьба. Было это вскоре после войны.

— Изменилось ли за эти годы ваше отношение к сцене, например к мгновениям перед выходом на подмостки?

— Пожалуй, нет. Остался тот же трепет, та же тревога — как пройдет концерт. Но прибавилось чувство, которое обост-

— Нелюбимые просто не пою. Случается, конечно, разучишь какую-нибудь песню, споешь раз-другой и понимаешь: для тебя она случайная. Жаль потраченного времени, но из репертуара я ее исключаю.

— Как в течение этих лет менялся ваш репертуар?

— По законам диалектики — от простого к сложному.

— Вы исполнили оратории и поэтории Родиона Щедрина — наверное, одни из наиболее сложных произведений, которые вам довелось петь?

— Несколько лет назад Родион Константинович предложил мне исполнить ряд его новых произведений. В первый момент я отказалась: даже не могла предположить, что у меня хватит голоса на ораторию. Певцы моего плана обычно имеют в диапазоне полторы, реже две октавы. Но Щедрин утверждал, что у меня есть необходимые две с половиной октавы. Даже дал прослушать записанную песню: мол, пожалуйста, две с лишним октавы. Но одно дело спеть песню и совсем другое — целиком исполнить большое произведение, рассчитанное на такой диапазон... Словом, то была для меня большая школа вокального мастерства.

ращенный к родителям; во время записи хормейстер рассказывал, что накануне эту же песню записывал молодежный ансамбль и превратил ее в лихую плясовую. И ладно бы это поветрие охватило только самодеятельные группы: так нет же, и некоторые профессионалов, чья святая обязанность формировать вкус слушателей, воспитывать музыкальную культуру!

— На вашем недавнем концерте особенно поразил слушателей номер, исполненный вами без музыкального сопровождения, — «Вдовий плач». Я видела, как плакали женщины в зале...

— Перед этим номером конференсье объявляет, что плач записан мною. Точнее сказать, он мною написан. Во время войны я видела множество женщин, матерей, которых вражье нашествие сделало вдовами. Их образы остались в моей памяти и сердце до сих пор. Становясь старше, я сумела, наверное, глубже почувствовать их горе... «Вдовий плач» родился из этих воспоминаний несколько лет назад, но до сих пор я его не фиксирую на нотной бумаге. Держу в памяти несколько его вариантов (как, кстати, бывает с большинством произведений народного творчества). В зависимости от состава зрительской